

КОНСТРУИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОСТИ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОПЫТЫ

Анна Марковна Корокотина

ВРЕМЯ, ПРОПУЩЕННОЕ ЧЕРЕЗ СЕБЯ...

В статье прослеживаются особенности восприятия событий 1950–1980-х гг. литератором, журналистом, критиком И. А. Дедковым, отраженные в его посмертно опубликованных записях, еще не ставших предметом обстоятельного изучения. Выявляется, как рассуждениями о своем времени раскрывается характер самого автора, представителя этого времени и человека, во многом близкого нам.

Пишите дневник, такой быт уходит, не будут знать, как мы жили, что скрывалось под покровом официальных слов...

И. Дедков

«Роман моей жизни» — так назвал известный литературный критик И. А. Дедков свой дневник. И действительно, как и в романе, читатель находит в нем «вечное переосмысление — переоценку» (М. Бахтин), раскрытие судьбы человека, «который обладает хотя бы относительной независимостью от установлений социальной среды с ее императивами, обрядами, ритуалами, которому не свойственна «стадная» включенность в социум» [Хализев 1999: 327]. Но дело, конечно, не в том, чтобы доказывать безусловность обозначения жанра, предложенного автором, содержащего, скорее, метафорический смысл (тем более, что в подзаголовке дано конкретное жанровое определение). Приведенное признание интересно тем, что оно как бы подчеркивает объективную значимость предлагаемых дневниковых записей и их глубоко личный характер. Время и человек в своем времени, человек равнодушный, мыслящий, анализирующий, умеющий видеть и не уходить от выражения своего отношения к увиденному и пережитому, предстают перед читателем.

Дневник охватывает довольно протяженное время — с начала 50-х до 1980-х гг., отражая наиболее характерное, сущностное для разных этапов этого периода. И. Дедкову в значительной степени удалось достичь того, что сам он ценил у других в произведениях того же жанра, — отражения времени, «действительности, состояния умов,

положения человека» [1998. № 5: 149]. В декабре 1963 г. после прочтения «Дневника писателя» А. Белого он особенно подчеркнул нужность такого рода произведений. И позже, в 1974 г., снова подтвердил мысль о необходимости любой формы работы летописца: «Будущим людям пригодились бы эти свидетельства, для того чтобы все-му и всем воздать должное» [1996. № 5: 156].

Особая ценность дневников И. Дедкова в том, что сам автор назвал «личной правдой». Первые из опубликованных записей относятся к апрелю 1953 г. Их делал 19-летний юноша, студент. И главное, что беспокоило его в это время, как и во все последующие, — социальная несправедливость. Он видит бывшего фронтовика, воевавшего с семнадцати лет, вернувшегося инвалидом и живущего со своей семьей в крайней бедности. «Разве это справедливо? Разве я имею право жить лучше, чем он сейчас?» [1996. № 4: 174]. А уже в 1955 г. журналист-практикант областной газеты Новосибирска возмущается «различными разновидностями общественного и классового обмана». Он приходит к мысли о необходимости «убирать с пути будущего» сложившуюся «машину» нынешнего государственного устройства, «машину советского и партийного аппарата», который «почти не допускает разрушения». Перемены необходимы, чтобы освободить массы, «вселить в сердца смелость и вольность духа, противопоставить интересы правящего класса и трудящегося» [1996. № 4: 174]. Его возмущает «духовное рабство» своего поколения. К этой мысли он не раз возвратится и позже. «Если «рабы не мы», то кто же?» — спросит он себя в 1978 г. [1998. № 5: 162].

И хотя некоторые происходящие изменения (1957 г.!) автор приветствовал, его не оставляла мысль о цене за власть («Тысячи расстрелянных и замученных, тысячи опустошенных и отравленных душ») и не тешили иллюзии о глубине возможных перемен: «И это социализм! Без гласности, без доверия к народу. Произвол, держащийся на насилии в разных формах. Где же выход, где же эта проклятая истина?» [1996. № 4: 175] А пока «щедринская Россия продолжается».

В записках наглядно демонстрируется относительность «оттепели» на всем ее протяжении и обстоятельства ее завершения. События марта 1968 г. в Чехословакии, Польше пробуждали, по воспоминаниям И. Дедкова, желание написать что-то смелое и справедливое, сохранить и проявить «духовную свободу». Но это было нелегко. Ожила формула «обостренной идеологической борьбы», усиливался цензурный контроль, возвращались из опыта 1937 г. «подслушивание, подглядывание, доносительство» [1996. № 5: 141]. И при всем своем желании независимости и деятельности Дедков признается: «Нам стыдно, но мы беспомощны». Низводится в это время и роль искусства — «она ничтожна». «И так горько становится, и плач подступает, и надо идти дальше, *вбирая в душу все сущее, все переживаемое* (курсив наш. — А. К.), и все-то она выдерживает, все вмещает — бездонная, горькая душа наша» [1996. № 5: 143].

Десятилетие спустя он снова с сожалением констатирует, что создается только видимость «благополучных» перемен. «Нашей жизни не хватает естественности, простоты, здравого смысла, честности, грамоты и свободы!». Отсюда «двоедушие — один из самых существенных признаков нашей жизни», актерство, когда «актеры посмеиваются над ролями» [1998. № 5: 149, 150].

Как правило, говоря об оттепельной поре, до сих пор как одну из основных ее отличительных особенностей называют новый характер гуманизма, отказ от сложившейся в предыдущие годы теории человека-винтика. Эта особенность действительно проявилась в ряде произведений периода оттепели. Но в самой жизни, по воспоминаниям И. Дедкова, теория оставалась в действии, признавался «полезным только тот, кто служит винтиком в машине государства» [1996. № 4: 179]. В 1971 г. он писал об отношениях власти и народа в условиях, когда «правят без идей, без дара, без лица, без языка», а мы — не отделяет себя Дедков от народа — «гордимся, что винти-

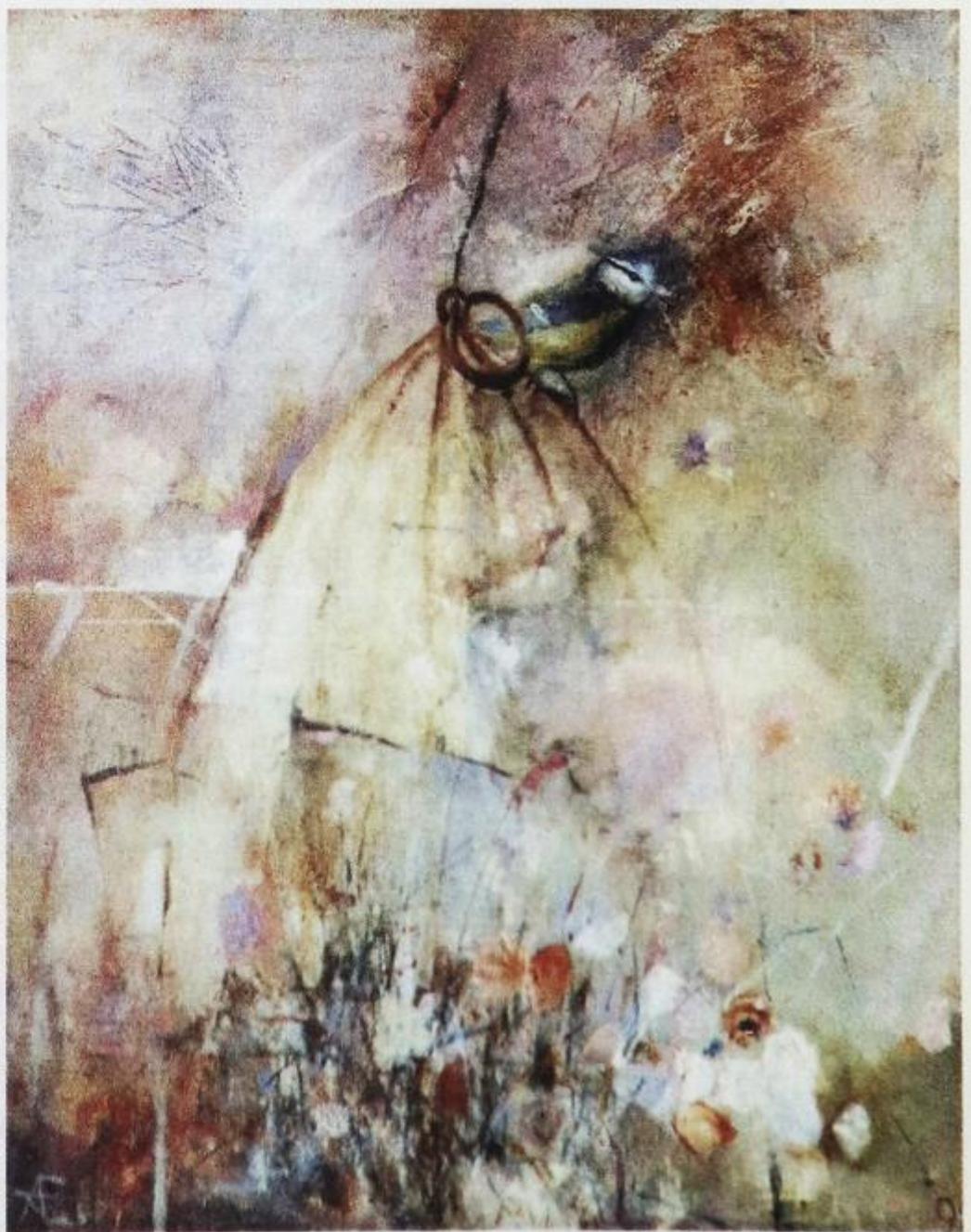
ки, что послушны и безответны» [1996. № 5: 153]. Ментальность своих современников он объясняет сложившимися нормами общественной жизни, реализуемыми «идеями-приказами, идеями-командами, идеями-внушениями, идеями-поучениями — сверху вниз». Человек лишен «права думать, решать, действовать». Воплотив в лозунг понятия «ум, честь и совесть», от них освободили сограждан.

В дневниковых записях И. Дедкова проявляется устойчивая особенность: он идет от жизненных событий мирового значения («В Белграде первый съезд рабочих советов открылся», «Кеннеди отдал приказ о начале наземных ядерных испытаний» и т. п.) к обстоятельствам жизни страны, более близкого своего окружения, к конкретным фактам собственной жизни, все их воспринимая во взаимосвязи и взаимозависимости, уделяя особенно заинтересованное внимание отечественным проблемам.

Время предстает в более и менее значимых деталях. Очереди в магазинах. В Костроме, где он живет, «опять нет масла, нет муки, крахмала, все реже удается купить кефир... все это в порядке вещей», хотя и не для всех [1998. № 6: 155]. Члены президиума юбилейного пленума СП РСФСР (дек. 1978 г.) имеют право купить по куску мыла. В районной школе в том же году «и на уроках ребятишки сидят в варежках, руки мерзнут». Из-за отсутствия кормов в области погибло более 16 тысяч рогатого скота. В учреждении женщине предлагают уйти с работы за посещение церковной службы. За наличие креста на крышке гроба режиссера А. А. Образцова отменили гражданскую панихиду. Особенно поражает эпизод из жизни 1981 г., когда в Костроме на очередь за майонезом обвалился с крыши снег со льдом. Несколько человек погибло, были раненые. Их еще и не увезли, а люди снова выстроились в очередь, ко всему привыкшие и, больше чем мертвые, безразличные «ко всем живым приличиям» [1999. № 9: 143]. Такими приметам времени изобилуют записки. Сегодня они одними забыты, другим неизвестны. Не потому ли возникает ностальгия по прошлому? И. Дедков был убежден, что документальные свидетельства необходимы, потому что позволят представить и пред- и послереволюционное время на всей его протяженности. «Сколько горя, беды, сколько стойкости, сколько правды о времени и о человеке в его поисках» отражаются в разного рода воспоминаниях.

Знание прошлого, приобщение к нему позволяет сохранить преемственные связи. А это, по убеждению Дедкова, очень важно. После чтения «Вех», «Смены вех» он убеждается, что «духовные связи не рвутся». Он ощущает свою причастность не только к происходящему, но и к происходившему. «Тянутся невидимые провода духовной общности русской интеллигенции, и в этот июльский день (1965 г.) эти провода проходили и через меня» [1996. № 5: 196].

А. П. ЕРЯКОВ. БЕЛАЯ КОМПОЗИЦИЯ № 2

В ответ на все чаще раздававшиеся упреки в адрес социально активных ученых и литераторов прошлого он именно это качество ставит им в заслугу. «Им это было нужно... это была важная часть их жизни», и несправедливое пренебрежение к их опыту он объясняет стремлением «оправдать свое безупречное послушание и покладистость» [1998. № 6: 144].

Ощущая себя «мужественным рабом», И. Дедков признает только одну непреходящую и значимую силу — слово. «Только слова... восстанавливают прошлое, чтобы болело, сжималось сердце оттого, что это все-таки было...» [1996. № 5: 144]. Очень важно не допустить девальвации слова. Печально и очень серьезно, когда «слова легчают в весе и пусто гремят» [1998. № 5: 153].

Отсюда неслучаен, наверно, и выбор профессии — журналист, литератор, критик. На протяжении десятков лет автор не перестает рассуждать об ответственности и художника, и критика. От работы критика, по его убеждению, зависит и развитие литературы, и ее восприятие. На критику тоже влияют обстоятельства времени, штампы мышления. К ним Дедков относит понятия *класс, трудовой народ, пролетариат, принцип партийности* и др. Настолько они проросли в сознании, что «даже новомирцы» не могут от них освободиться.

Не надо, говорит Дедков, умиляться «чистоте», «вере в высокие коммунистические идеалы». «Пора и пожалеть тех, т. е. нас, — за бедность и однолинейность нашей судьбы» [2000. № 11: 156].

У критики много возможностей, она способна работать в разных жанрах. Ей не заказан и роман критический (так и не оставляла Дедкова мысль о романе), ведь и «критика имеет дело с отражением жизни», и ей можно «возводить свое здание по своим законам». За критикой, как и за литературой, важно сохранить право на свою точку зрения. Не может быть монополии «на истинное видение и понимание мира». Его беспокоит тщетность многих усилий на этом поприще. Очень точное наблюдение сделал автор, когда отметил, что власти предрержающие нашли свой способ: «незамечание» оппозиционности в произведениях художественных или критических «обезвреживает эти сочинения» [1996. № 5: 137, 138].

Записи пронизаны критическими откликами и заметками, передают литературные симпатии и антипатии критика, его оценки литературных событий и творчества писателей. Последовательно И. Дедков осуждает «сделанные», посредственные сочинения. Его возмущает, как «в плохой литературе факты жизни объединяются дурацкой схемой...». С тревогой он отмечал особенное, как ему представлялось (1967 г.), отставание в драматургии, и где нет «непосредственности, естественности», преобладают «сделанность, расчет, умствование».

Особенно высоко он ценит в искусстве слова его гуманистический пафос. Ему особенно близки такие произведения, как «Зима тревоги нашей» Д. Стейнбека, «Суть дела» Г. Грина. Само время («Удивительно бесчеловечный век!») требует от писателя прежде всего гуманности. Ему хочется верить в торжество такого времени, когда «человек будет дорого стоить». А пока его волнует, что «искания русского духа иссякли». «Какая бездна философствования там, где кричать надо от горя и страха» [1996. № 5: 136]. Именно критике он ставит в вину, что она в своих суждениях, как и литература, нередко «игнорирует трагедию отдельного человека, исторически и физически обусловленную». В грохоте «поступи века» теряется отдельный человек.

Основные требования Дедкова-критика к литературе — быть верной правде жизни, поднимать существенные, волнующие проблемы (как Н. Лесков в «Некуда», как Д. Стейнбек в «Заблудившемся автобусе»). Ему особенно близки такие писатели, как С. Залыгин и В. Семин, К. Воробьев и В. Кондратьев, Ю. Домбровский и В. Белов, Ю. Нагибин и Ф. Абрамов, В. Быков и Ю. Трифонов. В этих авторах он находил «художническую независимость и порядочность, а это безмерно доро-

го». «Я воспринимаю книгу прежде всего как факт жизни, если она действительно им является. Разумеется, как факт литературы. Но значительная часть эмоционального и прочего восприятия связана именно с этим, с фактом жизни» [1998. № 6: 151].

Главные учителя в литературе — Пушкин, Толстой, Достоевский. «Душу спасал», перечитывая Лескова и Писемского. Не однажды встречается в записях имя М. М. Бахтина, в котором он ценил «ощущение незаконченности и беспрестанного, свободного, всепреодолевающего движения научной мысли» [1998. № 6: 141]. Его беспокоила писательская молодежь, смелая, несомневающаяся, «никакого страха Божия, никакой ответственности». В литературной работе он не принимал искусственности, заданности, следования литературоведческим рецептам, авторского самолюбования.

Образец для него — Л. Толстой, поражающий «простотой и жизнерадостностью». Его средства «скупы и естественны», «сами по себе принадлежат жизни» [1999. № 11: 184].

Значительное место в дневнике занимают описания нравов, складывавшихся в литературной среде. С горечью пишет Дедков о политиканстве, групповщине, проявлении национализма и шовинизма, которые он ни в какой мере не приемлет, потому что они исключают любой «гуманный вариант». По его убеждению, «торгашество, т. е. беспринципность, пронизанность стремлением к должностям, карьере, зараженность куплей-продажей, приятельством и прочим», — это качество, приписываемое по национальному признаку, — интернациональное.

Не раз звучит в дневнике беспокойство автора о судьбе писателя, оказывающегося в зависимости, вынужденного приспособляться. Ярким примером унижительной приспособляемости стала шумиха вокруг книг Брежнева. «Если судить по теленовостям, то нет у нашего народа в последний месяц (май 1978) более важного дела, чем безудержная хвала, хуже того — безумная хвала, сочинениям и его автору» [1998. № 5: 163]. Фальшь в работе, фальшь в отношениях наглядно проявились, в частности, в дни 150-летнего юбилея Л. Н. Толстого. «В некоторых устах его имя звучит кощунственно, настолько он далек как художник, мыслитель, человек от того, чем удовлетворяется наша литература... Ни в ком нет духовного, художнического достоинства», подобного толстовскому. Он выделяет Леонова, чье выступление действительно было «событием культуры». А большинство авторов «давно поняли, что совесть, правда, человечность, дух, справедливость — это прежде всего слова и произнесение этих слов — служебная обязанность, которая неплохо оплачивается» [1998. № 5: 172].

В отечественной литературе XX в., по его мнению, есть на кого равняться, как драматично ни сложились судьбы писателей Булгакова, Платонова, Пильняка, Мандельштама, Заболоцкого, Воронского и др. Не случайно в современных Дедкову условиях многие, как он замечает, стремились «пристроиться» к Маяковскому, Есенину, Твардовскому. Но выделял Дедков и тех, с которыми можно успокоить душу, — Ф. Абрамова, Г. Троепольского, Б. Можяева и др. Не исчезли такие писатели, которые своим умением честно жить и работать возвращают веру в человека и радость за него (называл, в частности, Л. Кривенко).

В дневниковых записях сам автор предстает перед читателями в какой-то мере героем своего времени, воплощающим в себе и его недостатки, и лучшие качества. Уже сам факт написания дневника был свидетельством гражданской смелости. В 1962 г., признанный период разгара оттепели, И. Дедков, ссылаясь на Эренбурга, отметил, что это время оставит мало дневников, писем, исповедей, потому что рискованно писать правду. А он это делал, позволяя себе довольно смелые суждения, хотя его почти никогда не оставляло внимание органов госбезопасности. Автор дневника воспринимал 60-е гг. как время «анкет, протоколов, допро-

сов, добровольных объяснений, написанных с горечью и отвращением». И хотя о себе и своем поколении он говорил как о «самостоятельно мыслящих молодых людях», при этом вынужденно констатировал: «Грошовая мы с вами публика, ребята» [1996. № 4: 184].

И все-таки сам Дедков находил возможность остаться честным перед самим собой, не скрывая, как нелегко бывало иногда не поддаться искушению (эпизод с вступлением в партию). Однако предложение перейти работать в аппарат Обкома КПСС отклонил. Не хотел «изолгаться», «исфальшивиться». «Итак ложью высланы полы в наших коридорах». Его угнетала мысль, что время жизни уходит, а многое не сделано. Задумываясь о суде потомков над своим поколением, он ожидал, что «вспомнят, как научились предавать себя и других, как освоили насилие, как поддались дрессировке, как забыли, что человек рождается для минут созидания и трагедии» [1996. № 5: 146].

Тем не менее его дневниковые записи воспринимаются сегодня читателем не только как свидетельства о «трусливом, одышливом и позорном времени», но и как «записи человека внутренне свободного и мужественного» (Золотоносов, 1998).

Сила, поддерживающая во всех испытаниях, — это сила природы, естественного движения и проявления жизни. «Небо синее, облака плывут, солнце греет, воздух свежий...». Поэтическое описание родных мест, величие и красота родной природы, богатейшее историческое прошлое, которое встает за многими внешними приметами, противостоят реалиям «обессоленного времени». «Обессоленное» — синоним «бессодержательного, бессобытийного, бесцветного». Это время, когда «попрано элементарное и нормальное», когда человек теряет главное — «достоинство личности и личной мысли». Человек становится игрушкой в руках государства. «Рука незрячего циклопа шарит и шарит, а ты жмись к стенке пещеры, авось обойдется другими?» [2000. № 11: 159].

Время, прожитое им самим, Дедков называет мрачным. Но особенно его беспокоит, что жизнь детей может оказаться зависимой «от тех же сил и может пройти под их же деспотией, в царстве фальсификаций, фарисейства, страха» [1998. № 5: 170].

В «романе жизни» И. Дедкова единственной непреходящей ценностью осознается **семья, дом**. «Примириться с состоянием нашей общей российской жизни было бы невозможно, если бы не само ощущение продолжающегося бытия, которое мы — многие российские люди — научились ставить и ценить выше всего» [1998. № 5: 169]. Но высоко оценивая радости мирного быта, люди в былые времена находили силы оторваться от них, «чтобы посчитаться с оскорбителями жизни». Для своего поколения он считал важным во имя будущего, во имя детей объективно разобраться в опыте прожитого, оценить и запомнить. «Да сохранится в наших детях память, пусть выстоит и все переборет, и пусть достанет им мужества знать и служить истине, которая не может совпадать с насилием...» [1998. № 5: 176].

В дневниковых записях И. Дедков размышляет о своей работе, о писательском труде, об обстановке в литературной среде, соотнося эти наблюдения с впечатлениями о происходящем в стране, в мире и пытаясь выявить общие закономерности, определить причины и следствия. Он идет от конкретных фактов и судеб к широким обобщениям социального и бытийного характера, потому что все это оказывается тесно связанным, так как творчество немыслимо без свободы, а общество воспринимается автором в аспекте его отношения к созиданию, свободе, просвещению, добронравию. И в прочитанных книгах, и в судьбах талантливых людей автор дневника выделяет именно те аспекты, которые помогают ему увидеть, как в разное время «в жизни неукротимая сила идеализма противостояла беззаконию, темноте, корысти, насилию» [1998. № 6: 139].

«Роман жизни» И. Дедкова является искренним и достоверным свидетельством конкретного времени, субъективно воспринятого и интерпретированного. Он вызывает на соразмышление, возможно, на полемику, но не может оставить равнодушным. В дневниковых записях раскрывается характер, психология, система взглядов человека определенной эпохи, со своей судьбой, своим жизненным опытом, своим профессиональным взглядом литератора на события, на культуру, творчество, создавшего своеобразную летопись этой эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дедков И. «Как трудно даются иные дни!». Из дневниковых записей 1953–1974 годов // Новый мир. 1996. № 4, 5.
2. Дедков И. Обессоленное время. Из дневниковых записей 1976–1980 годов // Новый мир. 1998. № 5, 6.
3. Дедков И. «А я говорю вслух: конца света не будет...» Из дневниковых записей 1981–1982 годов // Новый мир. 1999. № 9, 11.
4. Дедков И. Холодная рука циклопа. Из дневниковых записей 1983–1984 годов // Новый мир. 2000. № 11, 12.
5. Золотоносов М. Хроника спячки. Игорь Дедков и «годы временного перерыва» // Московские новости. 1998. 9–16 августа.
6. Хализев В. Е. Теория литературы. М., 1999.

Серафима Николаевна Бурова

...СВЕЧЕЧКИ ДА ВЕРБОЧКИ...

Жанр этого произведения автор обозначил как «прозу филолога», уклоняясь, таким образом, от опасных для себя сравнений со значительно более совершенными образцами использования чистого листа бумаги – белого знамени живого слова. Для автора представленные на суд беллетристические эксперименты – попытка восстановить утраченное ощущение самодостаточности. Для читателя – это чужой опыт преодоления внутренней расколотости, которым можно либо воспользоваться, либо пренебречь.

*Мальчики да девочки
Свечечки да вербочки
Понесли домой.*

*Огонечки теплятся,
Прохожие крестятся,
И пахнет весной.*

*Огонек удаленький,
Дождик, дождик маленький,
Не задуй огня!*

*В Воскресенье Вербное
Завтра встану первая
Для святого дня.*

*1–10 февраля 1906 г.
А. Блок. Вербочки*

1. ...Мальчики...

Вчера после работы мы с Чарли, восьмилетним черным большим пуделем, прогуливаясь, навестили Гошу. Сооруженный по осени могильный холмик, под которым навсегда угомонился наш старый товарищ, достойно отслуживший свою длинную собачью жизнь, теперь, когда сошел снег, перестал быть холмиком и превратился в небольшое углубление. Не имея под рукой лопаты, мы собрали среди